

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

В ходе исследований автора в период 70 – 80 гг. в области философских проблем техники, касающихся ее собственного предметного развития (изменение субстрата техники), а также места человека в системе техники и техники в окружающей природной среде, были сделаны принципиальные выводы о диалектике исчерпаемости и неисчерпаемости материально-технического развития общества. В 90 – е гг. оказалось возможным показать его социальное содержание и социальную детерминацию и на этой основе сформулировать основной закон общественного развития, его релятивистский характер. В данной статье приводится подборка некоторых положений концепции социальной относительности, опубликованных в течение последних 30 лет.

Объективная противоречивость материально-технического развития общества, выражающаяся в единстве положительного и отрицательного содержания его результатов, благоприятности и неблагоприятности новых условий существования человека, находит свое разрешение в социальной дифференциации общества, когда положительное содержание материально-технического развития реализуется одной частью общества, а связанные с ним отрицательные издержки выпадают на долю другой части общества. Это является предметным выражением социальной дифференциации как движущей силы общественного развития, его общеисторической закономерности.

Решение вопроса о сущности техники, – гуманистической или негативно-демонической, – должен рассматриваться с учетом различения родового человека и в плоскости социальной дифференцированности конкретно-исторического общества. Одно дело – развитие цивилизации как таковой, рост познавательно-преобразовательных возможностей человечества, где техника является символом цивилизационного развития, – это взгляд со стороны, инопланетная точка зрения. Но совсем другое дело, что в реальной действительности не существует ни человека, ни человечества вообще, а есть социально дифференцированное общество, есть реальные индивиды, место которых в системе техники и проявление по отношению к ним ее сущности определяется их местом в системе социальной дифференциации.

Следовательно, самораздвоение человека в качестве цели и средства своего бытия, опредмеченное в материально-техническом развитии таким образом, что, с одной стороны, техника является средством человеческой деятельности, а с другой – человек функционирует в системе техники в качестве элемента, будучи ее средством, приводящим технику в движение, на самом деле есть просто социальное раздвоение людей, для одних из которых техника служит средством их жизнедеятельности, а другие сами являются средством ее функционирования в вышеназванном качестве, что в освобожденном от опосредствования виде обозначает бытие одних людей в

качестве средства других.

Разделение людей по содержанию их функционирования в производстве и социальному положению в обществе обозначено одной линией. Соответственно, перед одними социальными группами широко раскрывается гуманистическая сущность техники, на долю других остаются неизбежные издержки ее развития. Так, создание паровой машины вызвало к жизни функции кочегара, исполнение которых досталось пролетарию, лишенному уже не только собственности, но даже воздуха и солнечного света, ставшему живой тенью посюстороннего ада – кочегарки.

Анализ взаимодействия общества и природы показывает, что научно-технический прогресс обуславливает углубление и расширение материального единства общества и природы. Его революционные стадии означают скачкообразный переход общества из пределов одного исчерпаемого комплекса природных условий в другой, более широкий, и каждому уровню материально-технического развития присущи свои специфические проблемы взаимодействия общества и природы.

Таким образом, к окружающей природной среде надо подходить с точки зрения противоречивого единства ее исчерпаемости и неисчерпаемости. Вопрос об исчерпаемости природной среды всегда был практической проблемой жизни и смерти человека, и только отсутствие науки или недостаточное ее развитие вплоть до недавнего времени не позволяли поставить этот вопрос теоретически. Конечно, исчерпаемость природной среды следует понимать и абсолютно, и относительно, т.е. как отражение противоречивого единства конечного и бесконечного в самой природе и развитии общества. Общество, в конце концов "перемалывает" всю доступную природу и, чтобы не погибнуть, должно выйти за ее пределы, найти новые источники существования, раздвинуть границы окружающей природной среды. Надо полагать, цивилизации, умирающие своей, смертью, прекращают свое существование именно потому, что оказываются не способными это сделать.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы явилось объективным основанием для разделения социально-экологических концепций прошлого и настоящего на две противоположные группы, критерием различия которых является оценка значения этого рубежа в развитии общества, логически вытекающая из самой концепции. Их коренное различие состоит в том, на чем ставится точка, на чем делается акцент – то ли на *переходе*, то ли на *достижении* рубежа. Методологически один подход можно обозначить как релятивистский, другой как абсолютистский. В мировоззренческом плане они, соответственно, различаются как оптимистический и пессимистический.

Своими корнями социоэкологический релятивизм и абсолютизм уходят в глубину общественной мысли и в наиболее близком к современному состоянию виде обнаруживаются уже к концу ХУШ века. Общественное сознание в этот период пополнилось двумя фундаментальными идеями: идеей непрерывного производственного прогресса на базе достижений науки

и техники и естественно-научным осознанием конечности земного мира человека в пространственном и временном аспектах. В единстве этих идей сразу же обнаружилось объективное противоречие, состоящее во взаимоисключении перспективы полного избавления от нищеты и неравенства, с одной стороны, и перспективы перенаселения Земли, не только лишаящего всякой надежды на ликвидацию нищеты и устранение неравенства, но вообще угрожающего существованию человечества – с другой. При этом возможность абсолютного перенаселения Земли рассматривалась преимущественно в абстрактном плане и не связывалась, с конкретной деятельностью, тогда как реальная проблема избыточного населения обсуждалась не только кабинетными мыслителями, но была и предметом политико-управленческого рассмотрения. Оптимистические социоэкологические концепции ни в прошлом, ни в настоящем не содержат конкретных предложений каких-либо специальных мероприятий.

Так что же заставляет производство так упорно стремиться вверх, если не бесконтрольность реализации половых инстинктов и социальная безответственность? Ненасытность людей, именуемая возвышением потребностей, или, может быть, гонка обезумевших обывателей в потреблении? "Именно так!" – ответят благополучные представители рода человеческого. Но парадоксальность данного ответа состоит в том, что виноватым в этом безумии оказывается тот, кто ненасытен буквально и гонится изо всех сил за единственным куском хлеба.

В теоретическом плане весь вопрос сводится к тому, каким образом обеспечить безостановочность материально-технического развития при стационарном населении, когда переход от одного типа материально-технического развития к другому не требовал бы дополнительных трудовых ресурсов? Определенный ответ на этот вопрос сейчас не получить, даже если допустить правомерной саму его постановку. Абстрактно, конечно, можно предположить возможность получения новых экологически чистых недобавляющих источников энергии и при условии жесткой имущественной и демографической дифференциации мирового сообщества установить на какой-то период "экологический золотой век". Но здесь очень трудно провести границу между научным прогнозированием и научной фантастикой как литературным жанром.

Человечество является системой общностей, но не является единой общностью, как и сами общности, будучи системой социальных групп, не представляют собой единую группу. Социально-экономическая дифференциация общества есть одновременно и его социально-экологическая дифференциация; и как нет смысла говорить о всеобщем социально-экономическом равенстве, так нет смысла говорить и о всеобщем социально-экологическом равенстве. В мире никогда не исчезала голодная смерть, но от этого мир не находится в состоянии всеобщего перманентного траура, так как в нем, кроме больных и бедных людей (и стран) всегда были и будут здоровые и богатые люди (и страны), в лице которых общество выживает и развивается дальше. Не подлежит сомнению, что оно пройдет и

через испытания современных социально-экологических проблем, весь вопрос в том, кто пройдет и за счет кого пройдет?

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив за счет труда дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность. Жизнедеятельность человека осуществляется в рамках производственно-природного, равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы на основе научно-технического прогресса. Но на каждой очередной ступени этого динамического равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства. То есть в условиях производственно-природного равновесия коэффициент существования, определяемый результатами труда, всегда меньше единицы, постоянно стремясь к ее достижению в ходе материально-технического развития.

По мере истощения природных ресурсов труд становится все менее эффективным, и после прохождения определенной критической точки входит в область отрицательных значений эффективности. Следовательно, каждый конкретный тип материально-технического развития обеспечивает ограниченный период существования общества, за пределами которого общественное развитие необходимо затухает, и если этого не происходит, то только потому, что общество переходит к новому типу материально-технического развития, позволяющему использовать качественно иные природные ресурсы. Вопрос о всеобщих границах существования общества пока что не имеет ответа за рамками мировоззренческой проблематики. Если исходить из абстрактно понимаемой универсальности человеческого бытия, то таких границ нет, если же отталкиваться от его конкретной природы, то всеобщее существование человечества имеет вполне определенный ресурс. Иначе говоря, если бы мы жили не на круглой Земле, а в безразмерном мире, то вопрос об эффективности труда был бы подобен извечной проблеме определения очередности курицы и яйца

Отрицательная эффективность труда выводится не из единичных актов трудовой деятельности, результаты которой могут быть и более высокими, чем масса израсходованного труда, когда использование дополнительных источников природных ресурсов находится на начальной стадии (например, эксплуатация новых месторождений, распаивание целинных земель, вырубка лесов, вылов рыбы и т.п.). Она выводится из всей целостности функционирования и развития общественного производства, где дополнительные затраты труда необходимо предшествуют получению дополнительных средств жизни, подобно тому, как в условиях экономического кризиса рост цен предшествует росту затрат; и в общей системе социального взаимодействия всегда находится кто-то "крайний", за чей счет достигается положительная эффективность деятельности остальных. Но главное не в

самой по себе сдвигке, или разнесенности, фаз "расхода" и "прихода", а в том, что масса дополнительного труда растет быстрее, чем масса дополнительных средств жизни, а в условиях достижения глобальности возможность перехода на новый уровень производственно-природного равновесия вообще утрачивает свою определенность.

Если бы в ходе материально-технического развития производство средств жизни действительно обгоняло рост массы живого труда, то, значит, материально-техническое развитие все меньше и меньше зависело бы от численности народонаселения, и общество было бы в состоянии реализовать на выбор как модель развития с малочисленным народонаселением, так и модель с его неограниченным ростом при относительных пределах чисто пространственного плана, когда проблема была бы сведена сугубо к ценностному содержанию самого процесса воспроизводства народонаселения за рамками сексуальных ценностей. Весь вопрос состоит в том, с какого момента после выделения человека из мира животных это опережение началось, или, в крайнем случае – когда начнется, – поскольку до сих пор оно не наблюдается? Но апеллировать к необозримому будущему на основе фетишизации науки – то же самое, что апеллировать к божественному промыслу.

Таким образом, модель опережающего материально-технического развития в своем предельном логическом завершении необходимо ведет к мистификациям разного толка. В научно-техническом плане здесь прорисовывается становление некоей всеобщей материально-технической системы, обеспечивающей неограниченное приращение производства средств человеческой жизнедеятельности при все большем сокращении живого труда, то есть становление какого-то всеобщего автомата, взявшего на содержание человечество. В общесоциологическом плане эта схема дополняется неуклонным сокращением, а в тенденции полным прекращением действия неудовлетворенных потребностей в качестве движущих сил материально-технического развития, продолжавшегося, следовательно, только благодаря так называемому возвышению потребностей.

В реальной системе социальной дифференциации общий дефицит средств жизни усугубляется неравномерностью их распределения, когда на одном полюсе часть народонаселения пользуется в полной мере всеми достижениями цивилизации и воплощает в своем бытии абсолютное улучшение качества жизни, а на противоположном полюсе другая часть народонаселения остается за чертой минимума биологического существования и воплощает в своем бытии непреодолимость проблем первобытной жизни. Поэтому, строго говоря, движущей силой материально-технического развития является не неуклонный рост потребностей сам по себе, а их постоянная неудовлетворенность; соответственно основным социологическим законом является не закон возвышения потребностей, а закон их ненасыщения.

Именно закон неудовлетворенности потребностей обусловил, переход

от статичного естественно-природного равновесия к динамичному производственно-природному равновесию, в рамках которого он не перестает действовать и определяет постоянное расширение сферы материального единства общества и природы. Абстрактное допущение преодоления этого закона означало бы прекращение действия движущей силы материально-технического развития, а значит, и прекращение его самого. Что касается закона возвышения потребностей, то, если не отрицать его совсем, но, по крайней мере, следует признать вторичным по отношению к закону неудовлетворенности потребностей.

В социально-практическом плане современная стадия глобальности означает достижение такого этапа в материально-техническом развитии, на котором отсутствует эмпирически данная или теоретически установленная определенность перехода на новый уровень производственно-природного равновесия, а, следовательно, и определенность дальнейшего материально-технического к социальному развитию. В социально-теоретическом аспекте вхождение в глобальность позволило осознать конечную целостность общества на всех этапах его развития, на каждом из которых оно, подобно кораблю, обладает определенной человеко-вместимостью и всегда переполнено. Но любая попытка освободиться от "лишних" пассажиров приведет лишь к социальной сдвиге, когда на месте одних "лишних" окажутся другие.

Поскольку нарастание темпов материально-технического развития поддерживается соответствующим нарастанием массы живого труда, постольку абсолютный прирост производства материальных средств жизни обеспечивает, прежде всего, расширенное воспроизводство рабочей силы, расходуемой на получение промежуточных результатов во все удлиняющейся цепи опосредствований в процессе труда. Одновременно с ростом народонаселения, необходимым для поддержания темпов материально-технического развития, воспроизводится и тот изначальный дефицит средств жизни, который явился движущей силой перехода к производственному способу существования, то есть к возникновению человека. Материально-техническое развитие не устраняет этот дефицит, а только переводит его на более высокий масштабный уровень.

Следовательно, материально-техническое развитие, рост народонаселения и улучшение качества жизни, будучи неограниченными абсолютно по отдельности, всегда соотносятся друг с другом таким образом, что совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Следовательно, формула социальности, как некоторое количественное соотношение, в конечном счете, сводится к данному объективному неравенству, которое в преобразованном виде представляет собой неравенство величины реального народонаселения, определяемой потребностями производства, и величины номинального народонаселения,

определяемой массой производимых средств жизни, где первая величина превышает вторую.

Действительно, масса общественного богатства растет, – появились автомобили, самолеты, телевизоры и множество всяких других съедобных и несъедобных вещей, – и все это предлагается, если верить рекламирующим их средствам массовой информации, "по ценам ниже рыночных", что эквивалентно характеристике уровня жидкости в сообщающихся сосудах понятием "ниже среднего". Но кто назовет хоть один предмет, являющийся необходимым средством жизни, но не являющийся одновременно дефицитом, будучи, следовательно, для кого-то недоступным (независимо от формы недоступности – то ли очередь, то ли цены, то ли, то и другое вместе)? Ни по одному показателю бездефицитного производства средств жизни и услуг никогда не было, нет и никогда не будет, – ни по хлебу, ни по жилищу, ни по одежде, ни по транспорту, – ни по чему угодно! Могущество человека возрастает, поскольку могущество разума не знает границ. Это несомненно. Но несомненно и то, что для общества при всем его могуществе является неразрешимой задачей обеспечить себя средствами существования в таком объеме, чтобы содержать всех своих членов, накормить последнего голодного.

Когда мы говорим, что отношения между людьми те же, что и отношения между живыми организмами, мы не имеем в виду, что люди рычат и кусают друг друга, хотя и это случается. Конечно, вся жизнь людей социализована вообще и цивилизована, в частности. Но оттого, что люди не ползают на четвереньках, а характеризуются прямохождением, не означает, что они перестали передвигаться по земле и взаимодействовать с нею по законам механики, как и любое другое тело. В обычных условиях они не вырывают пищу друг у друга, самцы не дерутся за самку и т.д. Но законы их отношений остаются те же в той мере, в какой их существование остается подчиненным законам природы. Другое дело, что люди переводят естественные законы в сугубо социальные, например, объявляя собственность священной и неприкосновенной, когда отличие состоит лишь в том, что животное само защищает свою добычу, а человек приставляет к ней полицейского.

Таким образом, механизм отношений равенства или неравенства так и не получил достаточно определенного рационального объяснения, не говоря уже об установлении перспектив развития этих отношений. Что касается попыток вывести их из некой врожденной сущности человека, – природной, иррационально-волевой или божественной, – то нам они представляются априори бесплодными. Неравенство не вытекает из жестокости, хитрости, алчности, эгоизма и других человеческих пороков, как не вытекает равенство из противоположных им добродетелей. Взятое само по себе, все это уравнивается и не образует единого направленного исторического процесса, как не образуется единая направленность изменений родового портрета из изображений лиц сменяющих друг друга поколений. Не вытекает оно и из гипотетического инстинкта собственности, врожденного чувства

хозяина, воли к власти и прочих проявлений индивидуального самоутверждения.

Насилие, как средство установления неравенства, зиждется не на субъективных основаниях, субъективность является его вторичной причиной и обуславливает лишь форму действия. Объективная причина неравенства заключается в техносоциальной формуле, детерминирующей возникновение эксплуатации как способа выживания, а насилия – как средства эксплуатации. Точно также причина гибели слабых особей в популяции состоит в недостатке пищи в среде обитания, а не в том, что их от нее оттеснили более сильные особи, – это вторичная причина.

Неравенство само по себе не имеет самостоятельной сущности и не является целью деятельности. Его нельзя устанавливать или отменять. Причина неравенства заключается в объективной невозможности всеобщего выживания, абсолютного и относительного. Следовательно, борьба ведется за выживание, а не за равенство или неравенство как таковые. Последние означают лишь форму и степень единства и различия людей в возможности выживания.

Попытка отменить социальную дифференциацию и установить социальное равенство будет означать попытку преодолеть действие техносоциальной формулы, что равносильно преодолению действия законов природы, составляющих ее основу. Выводить же неравенство людей из их различий – значит, поменять местами причину и следствие.

Таким образом, наряду с тем, что труд есть целесообразная деятельность и выражает отношение человека к предмету, в нем также заключен некий волевой акт, выражающий отношения между людьми. Предмет приводится в движение силой труда, но сам труд осуществляется только под воздействием воли, представляющей собой силу человека, приводящую в движение другого человека, и без этого воздействия предмет останется неподвижным.

За всеми разговорами об общечеловеческих ценностях и едином целостном мире скрывается одна простая истина: если отношения между индивидами являются отношениями борьбы за существование, то и отношения между общностями не могут быть чем-то иным. Внутренняя и внешняя социальная дифференциация общности находятся в неразрывном единстве друг с другом. Чем более самостоятельное и благоприятное место она занимает в системе мирового социального взаимодействия, тем более устойчива ее внутренняя социальная система, тем слабее в ней внутреннее напряжение и более велика степень социального равенства. И наоборот. Исторический опыт показывает, что наибольшей социальной поляризованностью характеризуются бедные, зависимые страны, как правило, лидирующие по количеству нищих и богатей на душу населения одновременно. Мощный средний класс – это удел и привилегия богатых и независимых стран, занимающих господствующее положение в мире.

В ходе материально-технического развития межличностная социальная дифференциация все более сглаживается за счет усложнения

общественного разделения труда, тогда как межобщностная дифференциация усиливается, благодаря его углублению. Соответственно, на одном уровне стратификации, в постиндустриальных странах, формируется социально однородная сфера мирового управления, информации и сервиса, что превращает эти страны в мировые конторы; на другом – социально однородная сфера мирового материального производства по всему его циклу – от добычи сырья до захоронения отходов.

Таким образом, весь перечень проблем общественного развития, – старых и новых, локальных и глобальных, – может быть сведен к двум общеисторическим проблемам, постоянно решаемым и вечно меняющим свою форму, – выживание и равенство. Именно эти два момента составляют основу социального бытия, в отличие от естественно-природного существования, – проблема выживания человечества в ограниченной природной среде при неограниченно растущем народонаселении (естественно-природное содержание проблемы) и проблема равенства в условиях непреодолимого дефицита средств существования, когда оно, в конечном счете, сводится к равенству индивидов в выживании, в сохранении и продолжении жизни (собственно социальная проблема).

В конструировании своей социальной организации у людей не больше свободы, чем в конструировании техники; законы, обуславливающие материально-техническое и социальное развитие, одинаково объективны, просто конструирование социальных систем (так называемое социальное творчество) есть борьба за характер социальной дифференциации, отсюда и кажущаяся свобода действий по сравнению с внешне более запрограммированным техническим творчеством. Многовариантность путей развития, свобода социального выбора есть не только и не столько результат разумности людей, а прежде всего результат объективной социальной дифференциации, борьбы людей за характер норм общественной жизни. Скажем, возможность добычи ископаемых из-под земли всегда определялась не только знанием об их местонахождении, но и наличием тех людей, которых можно было туда загнать. Каторга родилась и как явление экономическое.

В процессе революций осуществляется смена систем социальной дифференциации, а, в конечном счете, переход от одной формулы общности к другой. Поэтому социальные преобразования всегда связаны с насилием, характер и степень которого определяется характером и глубиной самих преобразований. Отсюда противоречив между законностью и революционной целесообразностью – вечное, постоянно разрешаемое противоречие цивилизованного общества, неизменный исторический сюжет, в котором меняются только действующие лица.

В течение последнего десятилетия были опубликованы работы, в которых обобщены результаты предыдущих исследований и сформулированы дополнительные положения, развивающие идею социальной относительности. В частности, делается вывод о том, что в основе социального познания, а также при исследовании конкретных

социальных объектов (исторических общностей), лежат две аксиомы, представляющие собой два противоположных ответа на вопрос “может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов?” Положительный ответ (абсолютистская, прогрессивистская модель общества) привычен, но он не позволяет объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий: эгоизм, алчность, насилие, агрессия и другие *негативные* явления объясняются в этом случае некими врожденными качествами человека. Отрицательный ответ (релятивистская модель общества) еще не получил достаточного распространения, но методологически он более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна бóльшая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе, масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

В зависимости от ответа, в соответствии с выбранной исходной посылкой, являющейся методологической базой социального исследования, мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможно построение принципиально разных целостных социально-теоретических моделей общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и экономической теории. Следовательно, прежде, чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Переход от естественно-природного равновесия к производственно-природному и последующее никогда не прекращающееся движение по его историческим ступеням возможны только на основе создания и постоянного обновления техники. Научно-техническое творчество оказывается единственным способом превращения природы в ресурс человеческой жизни, наука, по сути, создает природное богатство, и человечество оказывается обреченным на безостановочную поступательность научно-технического прогресса. Он является всеобщим источником роста общественного производства, воплощая в себе неограниченность интеллекта и неисчерпаемость природы, за счет чего оказывается возможным результативный труд. Постоянно действующей движущей силой производства является стремление к выживанию, а вопрос о пределах роста имеет сугубо экологические основания.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с

голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т.п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрекращающегося роста, к которому оно привыкло, и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Наступление эпохи цивилизации ознаменовалось созданием техники, позволившей человеку перейти к универсальному использованию окружающей среды в качестве источника ресурсов своего существования и тем самым преодолеть ограничения естественного равновесия. Но поскольку эффективность труда изначально имеет отрицательное значение, когда расход рабочей силы изначально выше полученного результата, постольку для осуществления процесса производства недостаточно покорения сил природы, необходимо еще покорение сил другого человека, превращение его всего лишь в говорящее орудие. Качественное отличие техники цивилизованного общества от первобытной техники состоит в том, что она позволяет человеку превратить другого человека в средство своей целесообразной деятельности, использовать его как данную самой природой рабочую силу. Следовательно, стержневую основу так называемого технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку. Соответственно, вся техническая история цивилизации характеризуется двойственным отношением человека к технике, проявляющемся в общественном разделении людей, когда для одних техника является средством жизни и собственного развития, а другие служат ее живым приложением, развивающимся в границах выполнения предписанной им техносервисной функции.

Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, – это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное общественное отношение “цели и средства” само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы. Что касается социальных революций, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Рост общественного богатства происходит по схеме построения печально известной финансовой пирамиды, поддерживаемой увеличивающимся притоком новых вкладчиков, то есть за счет расширения такого же притока дополнительной рабочей силы на основе расширенного воспроизводства народонаселения. Однако, в отличие от абсолютной предельности размера

пирамиды в соответствии с числом потенциальных вкладчиков, рост общественного богатства не имеет какого-либо достоверно установленного предела в силу отсутствия достоверно установленных пределов ресурсного потенциала природы.

Таким образом, жизнь за пределами естественного равновесия является сущностным признаком человека как особого существа в природе. Освещается ли он электричеством или живет при свечах, пользуется ли самолетом или перемещается на телеге, воюет ли он с помощью огнестрельного оружия или “вручную”, удерживает ли работника с помощью железного ошейника или “привязывает” его к рабочему месту зарплатой, – все это само по себе не является показателем собственно человеческого бытия человека, критерием общественного прогресса. Устойчивость, запас прочности выживания, – вот главный показатель для человечества в целом, здесь не может быть никаких ценностных суждений, поскольку благополучная жизнь возможна только на основе дезорганизации другой жизни.

В соответствии с действием техносоциальной формулы в обществе нет объективно заданных норм истины, добра, красоты, а также противоположных им лжи, зла и уродства, т.е. в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и борющихся друг с другом людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Каждый человек от рождения имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит, в жизненном пространстве все не поместятся, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь – с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому оно лишается самого статуса права.

Величайший миф индустриальной эпохи – это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности он, в конечном счете, всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения.

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете сводится к одному показателю – способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных

значений с точки зрения пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.